УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/66/2

М.А. Безнин, Т.М. Димони

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ОТ АГРАРНОГО К КАПИТАЛИЗИРОВАННОМУ ОБЩЕСТВУ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00269.

Поставлен вопрос о новых подходах к изучению истории советского общества, в котором происходила масштабная социально-экономическая трансформация. Предложены критерии анализа происходящих процессов, градация этапов социально-экономической трансформации. Одним из важных подходов, по мнению авторов, является теория первоначального накопления капитала. В основу предложенных подходов также положены некоторые идеи Б.Г. Могильницкого. Отмечается, что решающий этап первоначального накопления охватывал период конца 1920-х – 1950-е гг., после чего общество становится капитализированным, а решение вопросов первоначального накопления переходит в заключительную фазу

Ключевые слова: аграрное общество; капитализированное общество; Россия; XX век.

Современный кризис в изучении советского общества во многом связан с недостатком новых идей в его осмыслении, определенной скудностью имеющегося представления о возможности привлечения источников, отчасти невосприимчивостью историков к подходам, выработанным в других отраслях гуманитарного знания. Во многом по-прежнему, как это было предложено западной наукой в середине XX в., в российской историографии звучат оценки советского общества как тоталитарного, сталинистского, волонтаристского, экономики как неэффективной, огосударственной, системы управления как административно-командной и т.д. Этот набор исторических штампов можно довольно долго продолжать.

Томский историк Б.Г. Могильницкий оказался одним из немногих исследователей, кто на закате «перестройки» в статье «Альтернативность в истории советского общества» высказался против грубого и схоластического подхода к истории России этого времени [1]. Выступая о проблемах изучения альтернатив ее развития, профессор Б.Г. Могильницкий обратил внимание на необходимость комплексного подхода к изучению истории Советской России, в том числе с использованием неангажированной марксистской методологии, психоистории, веберизма и т.д. В упоминаемой статье видно глубокое знание историографических достижений, выводов о разных этапах истории, в том числе «феодальном» (что и было основной специализацией Б.Г. Могильницкого), владение разнообразными методиками изучения общества. Статья была опубликована в ведущем академическом журнале «Вопросы истории» на первых страницах издания, что свидетельствовало о важности высказанных идей для исторического сообщества. К сожалению, размышления Б.Г. Могильницкого в тот период времени оказались мало воспринятыми историками, возобладало мнение о приоритетности описания «трагических страниц ис-

тории сталинизма», «тиранической диктатуры», «агромагула» в России. Однако упрощенные трактовки истории страны при современных накопленных знаниях о советском периоде становятся совсем неуместными на фоне развития мировой гуманитарной мысли.

XX век был периодом, когда в России произошла масштабная трансформация, связанная с коренным изменением типа экономического, социального устройства общества, его психологических и ментальных характеристик. По сути дела, изменились все параметры устройства, отличающие аграрное общество от капитализированного, – натуральная по преимуществу экономика была заменена товарной (существовавшей при советской власти в специфической форме), важнейшим фактором производства стал капитал, основная часть валового производства продукции стала производиться в промышленном секторе и сфере услуг, крестьянский двор как основная производственная единица уступил место профессиональному коллективу и т.д.

Важнейшим вопросом выделения основных этапов истории советского общества являются поиск методологических подходов к сложным процессам трансформации, определение критериев анализа, выявления этапов происходящих процессов. По мнению Б.Г. Могильницкого, одним из таких методологических подходов вполне может быть марксова теория первоначального накопления капитала. Авторы статьи также считают, что такой подход является одним из важнейших в понимании процессов социально-экономической трансформации России в советский период. Под первоначальным накоплением авторы статьи понимают процесс перехода к капитализированной товарной модели экономического устройства.

Нельзя сказать, что обсуждение первоначального накопления в России не привлекало внимания ученых. В 1920–1990-е гг. экономисты, историки, обществове-

ды неоднократно обращались к обсуждению первоначального накопления капитала как экономического, социального и исторического процесса. Первое серьезное обсуждение этого вопроса было связано с поисками путей экономического рывка в 1920-е гг. Свой взгляд на проблему первоначального накопления тогда высказал известный экономист Е.А. Преображенский. Он изложил свои аргументы в статье «Основной закон социалистического накопления» (1924) [2], но был жестко раскритикован политической элитой. С этого времени в советской политической экономике был введен термин «социалистическое накопление». Это явление, однако, не имело исторического содержания, а обозначало экономический процесс «расширения материальной основы производства» «путем планомерного использования части национального дохода, идущей в фонд накопления».

Еще один период обсуждения истории первоначального накопления в России последовал в 1950-е гг., когда, в частности, в Институте истории АН СССР (1955) были сделаны доклады Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. В докладе Б.Б. Кафенгауза «О первоначальном накоплении в России» [3] процесс характеризовался как в первую очередь насильственные меры, резко ускоряющие накопление. В докладе Н.И. Павленко было отмечено, что явления первоначального накопления прослеживаются в России с XVII в., когда накопление капиталов производилось посредством товарообмена. На последующих этапах в первоначальном накоплении играли большую роль меркантилизм и возросшие феодальные повинности на крестьян [4]. В целом дискуссия показала необходимость более четкого определения понятия «первоначальное накопление». Большинство участников дискуссии понимали под этим термином процесс отделения непосредственных производителей от средств производства, меньшинство – накопление капиталов.

В 1950–1960-е гг. был сделан целый ряд работ по политэкономическому исследованию процессов накопления в советский период. Экономисты рассматривали это явление в рамках понятия «социалистическое накопление» и подчеркивали его коренное отличие от процессов первоначального накопления [5–7].

Следует отметить, что вопрос о процессах накопления в России рассматривался и эмигрантской экономической наукой. В частности, об этих процессах писали С.Н. Прокопович, С.С. Маслов, Н. Ясный, С. Кузнец. В то же время их работы не касались оценок экономического развития России в контексте первоначального накопления.

Новый этап возвращения к проблеме первоначального накопления капитала в России относится к началу XXI в. Исследователи довольно единодушно относят к этому периоду 1990-е гг., когда происходит масштабный передел собственности. Однако практически все выводят из-под характеристики этого явления советское время [8–9].

В целом подход к истории советского общества с позиции методологии первоначального накопления представляется довольно многообещающим. Дело в том, что данная парадигма как раз и применима к об-

ществам, находящимся в состоянии модернизации, перехода от аграрного общества к капитализированному. В этом смысле определение границ периода наиболее активного первоначального накопления как раз и будет служить границей между «исходным» состоянием общества и его трансформированным обликом.

Задача определения границ периода первоначального накопления в России до сих пор остается нерешенной. Однако все становится на свои места, если обратиться к крупным изменениям в экономике России в советский период. Именно в это время прошли масштабная и быстрая экспроприация мелких производителей, аккумуляция средств в рамках первоначального накопления в руках государства, действовавшего через атомизированный слой государственной протобуржуазии (партийной, советской, хозяйственной, финансовой верхушки) [10]. В историографии данный процесс называется индустриализацией и коллективизацией, повторяя догмы «Краткого курса истории ВКП(б)».

В процессах первоначального накопления капитала в СССР решающую роль сыграл период конца 1920–начала 1950-х гг. В конце 1920-х гг. произошел перелом в процессах форсированного первоначального накопления: в ходе менее чем одного десятилетия было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных производителей (сельское хозяйство, мелкая промышленность, торговля, общественное питание, транспортная сфера и др.). Наиболее масштабно этот процесс происходил в деревне. У крестьянских хозяйств были изъяты земельные фонды и перераспределены в пользу «общественного» хозяйства (колхозов и госхозов). Крестьянские хозяйства СССР за период 1928–1937 гг. лишились 72% (2/3) основных капиталов, причем это были наиболее «продвинутые» виды капиталов – сельхозмашины и орудия, рабочий и продуктивный скот. Наиболее быстрая потеря капиталов крестьянских хозяйств произошла в период 1931–1934 гг. [11]. Лишались средств производства и другие мелкие производители. В частности, к 1930 г. в основном было ликвидировано мелкотоварное промышленное производство. В основном оно располагалось в сельской местности и было тесно связано с сельским хозяйством: в 1928 г. в сельской местности СССР проживали 76% всех занятых в кустарной промышленности лиц. Только в 1929 г. в систему промысловой кооперации в СССР были вовлечены 400 тыс. сельских кустарей, с 1930 г. организовывались промколхозы. Всего к концу первой пятилетки было кооперировано 3/4 всех кустарей в СССР [12. С. 284–295]. К 1931 г. в СССР окончательно была ликвидирована розничная частная торговая сеть; в основном этот процесс произошел в 1928–1930 гг. Если в 1926–1927 гг. в СССР существовало 410 тыс. предприятий частной розничной торговли, то в 1928 г. – 153 тыс., в 1930 г. – около 12 тыс. [13. С. 36]. Те же процессы происходили и в сфере частного общественного питания: в 1926–1927 гг. таких предприятий в СССР было около 28 тыс., в 1930 г. – около 2 тыс., а в 1931 г. эта сеть была полностью ликвидирована [Там же]. В сфере транспортного обслуживания к 1930 г. были масштабно вытес-

нены частные грузовые и пассажирские перевозки, оставшиеся особенно масштабными на флоте. В 1930 г. была проведена безвозмездная национализация частновладельческих судов, а также судов отдельных предприятий и кооперативных организаций, государственным речным пароходствам [14. С. 417].

Меры по «обезземеливанию» и экспроприации ресурсов создавали предпосылки для массового оттока населения из деревни. Число сельских жителей России сократилось с 76 млн чел. в 1926 г. до 55,9 млн в 1959 г., т.е. почти на 20 млн человек [14. С. 5; 15. С. 5]. В результате отделения производителей от средств производства был создан рынок рабочих рук для работы по найму на государственных предприятиях, в том числе и в сельском хозяйстве. Однако рынок рабочей силы в период первоначального накопления обладал спецификой: фактически из него были исключены колхозники. Лишение колхозной деревни паспортов (а значит, и права свободного передвижения) по паспортной системе 1932 г., оставление реликта крестьянского хозяйства в виде приусадебного участка по Уставу сельхозартели 1935 г. [16], отсутствие института заработной платы (оплата трудоднями, введенная в 1930 г.) позволили «внетоварно» эксплуатировать трудовые ресурсы колхозов практически до конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Ликвидация остатков мелкой частной собственности позволила решить проблему формирования источников накоплений – теперь практически всеми ими могло оперировать государство. Формирование у советского государства полных преференций в формировании и использовании национального дохода, в том числе важнейшего его компонента – фонда производственного накопления, было важнейшей составляющей процесса первоначального накопления в СССР. Для этого был задействован широчайший комплекс институтов, многие из которых являлись исторически абсолютно оригинальными: особое правовое регулирование, в том числе отношений собственности (формирование права «разделенной» собственности и класса

протобуржуазии, его реализующего); плановая экономическая система; внетоварная система перераспределения; особая роль денег, кредита и финансовых институтов, способствующих аккумуляции ресурсов в государственном бюджете, который, в свою очередь, являлся отражением почти полной экономической монополии государства.

Важнейшим индикатором начала периода первоначального накопления в экономических исследованиях считается показатель резкого возрастания фонда накопления в национальном доходе (т.е. той его части, которая используется на капиталовложения, инвестиции, создание запасов). Методика расчета, предложенная экономистом А.Л. Вайнштейном, применительно к данным баланса народного хозяйства СССР за 1923–1924 гг. показывает величину накопления в народном хозяйстве 6,8% от национального дохода [17. С. 92]. Данный параметр нормы накопления фиксирует, по сути дела, состояние стагнации в экономическом развитии общества. Материалы по балансу народного хозяйства за 1928, 1929, 1930, 1931 гг. дали А.Л. Вайнштейну возможность рассчитать удельный вес реального накопления (прирост запасов и фондов) за этот период (табл. 1).

Как видно из табл. 1, фонд накопления возрастал с 1928 по 1931 г. и в абсолютных, и в относительных значениях. В ценах соответствующих лет он вырос с 17% от национального дохода в 1928 г. до 27% в 1931 г. В ценах 1928 г. рост был еще выше – с 14% в 1928 г. до 36% в 1931 г. В годы первой и второй пятилеток норма накопления в СССР колебалась в пределах 26–29% национального дохода, т.е. постоянно поддерживалась на высоком уровне [14. С. 101]. В послевоенный период, по расчетам А.Л. Вайнштейна, норма накопления оставалась высокой. В 1950–1955 гг. она составляла (вместе с «прочими расходами») 23–26% [17. С. 110]. С 1964 г. данные о национальном доходе и накоплении в СССР начинают публиковаться в статистических сборниках, что позволяет вычислить норму накопления (табл. 2).

Таблица 1

Народный доход СССР и фонд реального накопления за 1928–1931 гг., млн руб., без акция

Показатели	В ценах 1928 г.			
	1928	1929	1930	1931
Народный доход произведенный	26 187	29 045	34 637	39 621
Реальное накопление (прирост запасов и фондов)	3 697	4 801	9 230	13 669
Доля реального накопления	14,4	16,9	27,3	36,0

Примечание. Сост. по: Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР: история, методология исчисления, динамика. М., 1969. С. 98.

Таблица 2

Национальный доход СССР и фонд накопления в 1958–1979 гг., млрд руб., в действующих ценах

Годы	Национальный доход, использованный на потребление и накопление	Накопление					
		Всего		В том числе			
		Сумма	% к национальному доходу	Основные производственные фонды		Материальные оборотные средства и резервы	
Сумма	% к национальному доходу			Сумма	% к национальному доходу		
1958	126,7	34,6	27,3	13,5	10,6	12,2	9,6
1961	151,0	42,9	28,4	15,6	10,3	17,6	11,6
1964	179,7	49,3	27,5	19,2	10,7	20,4	11,3
1967	221,5	59,4	26,8	19,4	8,7	27,6	12,4
1970	235,5	84,2	29,5	32,1	11,2	33,1	11,6
1975	363,0	95,0	26,0	38,8	10,7	34,6	9,5
1979	430,9	107,6	24,9	40,2	9,4	45,3	10,6

Примечание. Сост. по: Статистические материалы для расчета экономической эффективности общественного производства. М., 1981. С. 36–37.

Как видно из табл. 2, удельный вес фонда накопления в 1960–1970-е гг. составлял 26–29% к национальному доходу, но норма производственного накопления (накопление в основных производственных капиталах, материальных оборотных средствах и резервах) была ниже – около 20%. Такой же уровень производственного накопления в 1960–1970 гг. был рассчитан, например, Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. Руководил этой работой член-корреспондент АН СССР А.Г. Аганбегян. Расчеты опирались на результаты работ, проводившихся отделом темпов и пропорций общественного производства и сектором анализа межотраслевых связей и динамики народного хозяйства в сотрудничестве со сводным отделом перспективных народнохозяйственных планов Госплана СССР. Уровень нормы производственного накопления в СССР в этих расчетах составлял на 1960 г. 20,1%, на 1965 г. – 20,9%, на 1970 г. – 23,1% [18]. При всех неясностях динамики процесса производственного накопления (из-за методики подсчета показателей национального дохода, его компонентов), тем не менее можно выявить тенденцию снижения нормы накопления к концу 1950-х гг. по сравнению с 1930-ми гг. и сохранения этого уровня в 1960–1970-е гг.

Таким образом, мы видим несколько качественно разных периодов в процессе накопления: низкий его уровень в 1920-е гг., резкий рост в конце 1920 – начале 1930-х гг., некоторое снижение нормы накопления к середине 1950-х гг. и «замирание» на обычной для индустриального общества норме накопления в 1960–1970-е гг.

Важной частью определения этапов развития советского общества являются используемые государством механизмы накопления. Систему мер, применяемых государством в процессе накопления, дает возможность представить государственный бюджет. Его основные составляющие в доходной части состояли из налога с оборота, платежей государственных предприятий и организаций из прибыли, подоходного налога с кооперации, колхозов, предприятий и общественных организаций, а также налогов и сборов с населения, государственных займов, реализуемых среди населения, таможенных доходов. В 1940 г. в структуре государственного бюджета РСФСР доходы от экономической деятельности предприятий составляли 47% госбюджета, а доходы «налогового» характера, собираемые с населения (налоги с населения, госзаймы) – 31%. При этом необходимо учесть, что налог с оборота взимался на стадии превращения продукции в товар, т.е. являлся косвенной формой налогообложения населения. Соотношение доходов госбюджета от экономической деятельности и налогового характера характеризует большую роль в источниках накопления внеэкономических рычагов. В 1950 г. соотношение было еще более выраженным: 42,7% к 35%. Только к 1958 г. доходы от экономической деятельности предприятий составили основную часть доходных поступлений в бюджет (62%), а изъятия у населения резко сократились – до 10% от всех доходных статей бюджета. Это соотношение в формировании бюджета сохранялось весь после-

дующий период существования СССР (в 1985 г., например, доходы от экономической деятельности предприятий составляли почти 64% госбюджета, а доходы от налогов с населения – около 10%) [19. С. 556; 20. С. 495; 21. С. 379]. Значимая роль изъятий у населения в формировании бюджета государства также является важным признаком периода первоначального накопления, уменьшение же роли данного показателя говорит о завершении в основном первоначального накопления. Как видно из приведенных данных, этот механизм формирования госбюджета утратил свое ведущее значение к концу 1950-х гг.

Важной частью механизма накопления была ценовая политика государства, которая обладала яркой спецификой в 1930–1940-е гг. Идеологически это положение подкреплялось высказанным в 1920-е гг. мнением о своеобразии «закона стоимости» (применение принципа эквивалентности при обмене), который в социалистическом обществе не действует (по крайней мере в «государственном секторе»). В 1930-х – начале 1950-х гг. государство предприняло колоссальные усилия по законодательному оформлению и реализации системы изъятия средств из сельского хозяйства [22, 23], гарантирующих перераспределение ресурсов в пользу промышленной составляющей. С начала 1930-х гг. вплоть до 1953 г. колхозы продавали свою продукцию государству по ценам, предусматривавшим два вида тарифов: обязательные поставки сельхозпродукции (оплачивались по очень низкому тарифу) и государственные заготовки (оплачивались по более высоким ценам, но не достигавшим действительной стоимости продаваемых продуктов). По сути дела, колхозы осуществляли простую передачу продуктов с формальным применением цен для взаимных расчетов. Часть изъятий у колхозов осуществлялась в натуральной форме – так называемая «натуроплата МТС». Колхозные дворы с 1930 г. по конец 1950-х – начало 1960-х гг. были охвачены системой повинностей, включавших отработочную, натурально-продуктовую и денежную формы [22]. Масштабы изъятия ресурсов из сельского хозяйства позволяют представить данные баланса народного хозяйства СССР, согласно которым, например, в 1935 г. всего накоплений в экономике СССР было 40 млрд руб., из них в промышленности – 21,4 млрд руб., что составляло более 50% накоплений, в сельском хозяйстве – 3,9 млрд руб. (только 1/10 часть всех накоплений) [24]. За период 1946–1953 гг. из сельского хозяйства был изъят продукт стоимостью 298 млрд руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства на 193 млрд руб. [25]. Показательными являются также данные о соотношении капиталовложений в разные отрасли экономики. За 1918–1964 гг. из общей суммы государственных капиталовложений в СССР, равной 423,6 млрд руб., в сельское хозяйство было направлено только 45,1 млрд руб. (10,7%) [26].

В начале 1950-х гг. возможности донорства сельского хозяйства в ресурсах накопления были уже значительно подорваны, и в то же время задачи создания индустриальной части экономики (в виде промышленных предприятий и их инфраструктуры) в целом ре-

шенны. Совокупность этих событий влекла за собой коренную трансформацию экономической системы, что отразилось, в частности, в свертывании повинностной системы (она поэтапно была ликвидирована с 1958 г., когда отменялись обязательные поставки сельхозпродукции, по 1966 г., когда была введена заработная плата для колхозников), окончательном завершении создания рынка рабочей силы (паспортизация колхозной деревни с 1974 г.), отмирании внеэкономических и «включений» экономических рычагов хозяйствования.

С начала 1950-х гг. в советской экономической науке начались бурные дискуссии по поводу методов ценообразования, о взаимоотношениях между ценой и стоимостью и о роли цен в экономической системе. Результатом этих дискуссий стало постепенное свертывание действия системы неэквивалентного изъятия средств из сельского хозяйства и повышение закупочных цен в данной отрасли. В 1960–1970-е гг. было предпринято неоднократное упорядочивание цен, ставился вопрос о ценах, ориентированных на меновую и потребительскую стоимость. Однако и следы аграрного общества продолжали сохраняться. Перекачка средств из сельского хозяйства в более поздние годы шла в меньших пропорциях, в основном через механизм отклонения цен на сельхозпродукцию от стоимости. По расчетам отдела цен Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, в 1964 г. созданный в сельском хозяйстве СССР национальный доход составлял в текущих ценах 21,2 млрд руб., а в ценах стоимостного уровня (т.е. по себестоимости) – 46,9 млрд руб., в 1968 г. соответственно 31,8 и 58,6 млрд руб. [24]. Таким образом, в 1960-е гг. масса реального созданного в сельском хозяйстве национального дохода превышала официальные данные статистики на 25–27 млрд руб. Примерно такая же ситуация сохранялась до конца советского периода. Так, в среднем за 1986–1988 гг. в СССР из сельского хозяйства было передано косвенно, через цены, в другие отрасли 52,3 млрд руб., а поступило в сельское хозяйство из других отраслей 36,3 млрд руб. [27. С. 16]

Коренную трансформацию в период перехода от аграрного к капитализированному обществу пережили важнейшие финансовые институты советского общества. В 1930 – первой половине 1960-х гг. роль кредита в экономической системе СССР была крайне ограниченной. Его могли выдавать только государственные банки, при этом краткосрочный кредит был сосредоточен в Государственном банке СССР, а для долгосрочного кредита были созданы специальные госбанки (Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк и Цекомбанк), они выдавали долгосрочные кредиты до 1959 г., после чего данная роль также была передана Госбанку СССР. Основная часть кредита обслуживала сферу обращения, особенно заготовки и торговлю. Роль кредита рассматривалась в основном как определенный вид государственного финансирования, он использовался при недостатке средств на предприятиях.

Характеризуя сложившиеся в СССР кредитные отношения, доктор экономических наук Г.А. Козлов на совещании «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР» (совещание проходило в Институте экономики СССР в 1957 г.) отметил, что «многолетнее отрицание товарной природы средств производства при социализме проявлялось в том, что в обороте средств производства не признавалась роль кредита... В отношениях, связанных с капиталовложениями в государственном секторе, теории кредита не находилось места» [28. С. 33]. Соотношение видов кредитования (долгосрочного и краткосрочного) отражено в статистических сборниках советского времени.

Как видно из табл. 3, несмотря на абсолютный рост кредитования, размеры долгосрочных кредитов были ниже краткосрочного кредитования в 1950–1960-е гг. примерно в 10 раз. В 1970-е гг. доля долгосрочного кредитования постепенно росла, но все-таки отставала от размеров краткосрочного кредита в 3–4 раза. Ограниченность кредитования, его краткосрочность, нацеленность на «латание прорех» в хозяйственном механизме сдерживали превращение кредита в полноценные инвестиции и отражались на нарастании роли капитала в жизни общества.

Таблица 3

Кредитные вложения банков в народное хозяйство РСФСР в 1952–1985 гг., остатки задолженности на конец года, млрд руб.

Кредиты	1952	1959	1965	1970	1975	1980	1985
Всего:	14,8	22,6	42,7	71,8	118,2	202,3	300,7
в том числе: долгосрочные	1,3	2,5	3,5	10,7	27,3	52,8	63,7
краткосрочные	13,5	20,1	39,2	61,1	90,9	149,5	237,0

Примечание. Сост. по: Народное хозяйство РСФСР в 1962 г. : стат. ежегодник. М., 1963. С. 585; Народное хозяйство РСФСР в 1967 г. : стат. ежегодник. М., 1968. С. 566; Народное хозяйство РСФСР в 1980 : стат. ежегодник. М., 1981. С. 391; Народное хозяйство РСФСР в 1985 : стат. ежегодник. М., 1986. С. 381.

Таблица 4

Среднегодовые темпы прироста производительности капитала, труда и капиталовооруженности в 1950–1970 гг.

Страна	Производительность труда*	Производительность капитала**	Общая производительность***	Капиталовооруженность труда****
СССР (1950–1970)	3,5	-2,6	1,6	6,4
Япония (1955–1968)	8,0	-2,4	5,5	8,4
Страны Северо-Западной Европы (1950–1962)	3,7	0,3	3,0	3,4
США (1950–1962)	1,9	-0,3	1,4	2,1

Примечания. Сост. по: Материалы к докладу экспертов объединенной экономической комиссии Конгресса США «Советская экономика в новой перспективе» (октябрь 1976). М., 1977.

* Производительность труда – темпы роста национального дохода, деленные на темпы прироста занятости; ** Производительность капитала – темпы прироста национального дохода, деленные на темпы прироста капитальных вложений; *** Общая производительность – темпы прироста национального дохода, деленные на темпы прироста совокупных затрат труда и капитала; **** Капиталовооруженность труда – темпы прироста капитальных вложений, деленные на темпы прироста затрат труда.

Как видно из табл. 4, темпы прироста капитала в СССР (темпы прироста производительности капитала) в 1950–1970-х гг., по расчетам американских экономистов, имели отрицательную величину, однако очень высокими были темпы прироста производительности труда (связанные с темпами прироста занятости). Схожая динамика наблюдалась и в Японии – стране, также совершавшей рывок от аграрного к капитализированному обществу.

Границу завершения процессов основного этапа первоначально накопления можно определить по целому ряду важнейших индикаторов. Прежде всего это уход господства аграрной составляющей из жизни общества как в экономической, так и в социальной, духовной сферах, превалирование среди факторов производства капитала, превышение его доли над живым трудом, рост качества и уровня жизни населения, снижение тяжести налогов и пр.

И.В. Сталин считал переломным в превращении страны из аграрной в индустриальную 1929 г. (в этом году, по его утверждению, удельный вес промышленности в формировании национального дохода впервые превысил показатели доли сельского хозяйства: 55% составляла доля промышленности, 45% – доля сельского хозяйства) [29. С. 310]. Однако расчеты экономистов показывают более медленную динамику изменения соотношения отраслей в формировании национального дохода, учитывая низкие фактические цены на продукцию сельского хозяйства. Тем не менее во второй половине XX в. основную долю национального дохода страны формировала промышленность. Доля же сельского хозяйства в национальном доходе, например, во второй половине 1960-х гг. не превышала пятой части национального дохода СССР по расчетам в фактических ценах и трети – по ценам стоимостного уровня [30. С. 22].

Важнейшим индикатором победы капитализированного общества является изменение роли основных факторов производства (живого труда, земли и капитала). Нужно иметь в виду, что в СССР земля была национализирована и, следовательно, исключена из расчетов себестоимости. Поэтому эволюцию факторов производства дает возможность представить такой экономический показатель, как себестоимость продукта, где видно соотношение долей капитала (материальных затрат) и «живого» труда (затрат на оплату труда). Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного, пройдена. Трудность состоит в том, что для расчетов себестоимости продукции в СССР существовали как идеологические, так и экономические препятствия. Основные проблемы при этом испытала отрасль сельского хозяйства, где исчислять себестоимость с начала 1930-х до середины 1950-х гг. считалось «вредным», да и мало возможным, в связи с оплатой колхозников трудоднями. Только в середине 1950-х гг. в исчислении себестоимости сельхозпродукции РСФСР были сделаны экспериментальные расчеты, которые показали довольно высокие затраты живого труда: в производстве овощей затраты на оплату труда составляли 70% всех затрат, молока –

40–45%, зерна, картофеля, мяса – 35–40% [Там же. С. 91]. Таким образом, роль живого труда как фактора производства в сельском хозяйстве была довольно весомой и в середине 1950-х гг.

Более полные расчеты соотношения факторов производства позволяют представить межотраслевые балансы. Первый межотраслевой баланс был составлен ЦСУ СССР в 1959 г., второй – в 1966 г. Межотраслевой баланс 1966 г. показал, что стоимостная структура продукции основных отраслей материального производства значительно различалась. Если доля материальных производственных затрат во всем совокупном продукте СССР составляла 54,4%, то в промышленной продукции – 63,7%, в продукции строительства – 56%, а в продукции сельского хозяйства – 36,9% [31]. В целом данные показатели позволяют предположить, что роль капитала в экономике СССР в середине 1960-х гг. была настолько велика, что он становился основным фактором производства. В то же время важнейшая подсистема общества – сельское хозяйство – находилась в довольно рутинном состоянии, следовательно, процесс капитализации нельзя считать абсолютно завершенным. Расчеты удельного веса живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда (по данным межотраслевого баланса затрат труда СССР, составленного в 1970–1980-е гг.) свидетельствуют, что в 1975–1985 гг. они соотносились как 60:40 в пользу живого труда, что показывает ресурсы капитализации, еще не освоенные советской экономикой [32. С. 244].

Период, последовавший за основным этапом первоначального накопления, характеризуется завершением многих процессов, позволявших промышленной части экономики аккумулировать основную часть ресурсов. Прежде всего снижается налогово-повинностная нагрузка на сельское хозяйство, коренным образом изменился феномен товарности. Важнейшим индикатором завершения процессов первоначального накопления является пролетаризация населения, переход к зарплате как основному источнику существования. В этом плане особенно важны показатели построения бюджетов колхозников, дольше всего сохранявших черты, свойственные социуму аграрного общества. Доля дохода от личного хозяйства начинает стремительно сокращаться в них с конца 1950-х гг. В 1960 г. доля личного хозяйства в совокупном доходе семьи колхозников России составляла 42%, в 1970 г. – 33%, в 1980 г. – 25% [33; 34. С. 95]. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. Это период, когда основные сферы экономики уже были высококапитализированными производствами, в стране достаточно полномасштабно функционировал рынок, важнейшей частью которого стало «освобождение» колхозников, действовала современная финансово-кредитная система и др.

Таким образом, высказанная профессором Б.Г. Могильницким догадка о важности применения теории первоначального накопления к истории Советской

России даже сейчас выглядит весьма смелым и своевременным подходом. Именно этот подход позволяет выявить крупные этапы в социально-экономическом развитии страны в XX в. Классическое аграрное общество в России сохранялось с очень малой динамикой изменений до конца 1920-х гг. Основной этап перелома в социально-экономической системе приходится на 1930–1950-е гг., в основном это время и было периодом первоначального накопления капитала, что подтверждают такие важнейшие показатели, как перераспределение собственности, тотальное изъятие у мелких производителей средств производства, повышение нормы накопления, широкое действие внеэкономических механизмов и пр. Особенностью первоначального накопления в России была центральная роль

государства в процессе перехода к капитализированному обществу. Завершение основного этапа первоначального накопления приходится на рубеж 1950–1960-х гг. Основным индикатором этого процесса является устойчивое превалирование роли капитала над другим важнейшим фактором производства – живым трудом. В 1960–1980-е гг. происходит усиление действия денежных механизмов, товарность постепенно становится рыночной, экономические рычаги превалируют во всех сферах жизни общества. Однако проблемы незавершенности капитализации сказывались, что отражалось на сохранении перераспределения средств из аграрной в индустриальную сферу, социальных проблемах, в том числе новом классообразовании [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 3–16.
2. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 47–116.
3. Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (материалы к обсуждению) // Материалы к заседанию ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. М., 1955. С. 1–2.
4. Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России : (по материалам XVII–XVIII вв.) Материалы к заседанию ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. М., 1955. С. 3–51.
5. Козловский Е.С. Первоначальное накопление капитала и его особенности в России. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 56 с.
6. Брегель И.Я. Первоначальное накопление капитала. М., 1961. 40 с.
7. Рябов Н. Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. М. : Госполитиздат, 1951. 248 с.
8. Красникова Е.В. Развитие капитализма в России век спустя. М. : Теис, 2003. 167 с.
9. Прозоровская К.А. Девиантное экономическое поведение в России : историческая ретроспектива и факторы институционализации в эпоху «первоначального накопления капитала». СПб. : Инфо-да, 2014. 164 с.
10. Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. № 2 (9). С. 437–453.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63(а). Л. 50, 52, 54, 56, 63.
12. История социалистической экономики СССР. М. : Наука, 1977. Т. 3. 536 с.
13. Советская торговля : стат. сб. М. : ЦСУ СССР, 1964. 503 с.
14. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957. 372 с.
15. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1977. 366 с.
16. Безнин М.А., Димони Т.М. Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. Т. 1. № 12 (1). С. 84–96.
17. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР : история, методология исчисления, динамика. М. : Наука, 1969. 168 с.
18. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 67. Д. 380. Л. 6.
19. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1966. 910 с.
20. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. : стат. ежегодник. М. : Статистика, 1976. 519 с.
21. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1986. 655 с.
22. Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.
23. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. М. : Ленанд, 2019. 608 с.
24. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 48.
25. Правда. 1989. 16 марта.
26. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 488. Л. 132.
27. Чистая продукция сельского хозяйства и ее распределение и использование. М., 1989. 23 с.
28. По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. М. : Центральный банк РФ, 2011. Вып. 11: Кредитования и расчеты в 1952–991 годах (ведомственные материалы). 183 с.
29. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), 26 января 1934 г. // Сталин И. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 282–379.
30. Пропорции воспроизводства национального дохода в сельском хозяйстве. М. : М-во сельского хозяйства СССР, 1970. 72 с.
31. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 225. Л. 92.
32. Beznin M.A., Dimoni T.M. Revisiting the type of economic system in the USSR // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. № 5. P. 238–250.
33. Совокупный доход семей колхозников и его распределение : стат. материалы : приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1 (189). М., 1962. 18 с.
34. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975, 1980–1984 гг. М., 1985. 108 с.
35. Гулин К.А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России // Экономические и социальные проблемы: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6 (12). С. 276–291.

Mikhail A. Beznin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

Tatiana M. Dimoni, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: dimonitm@yandex.ru

ON APPROACHES TO STUDYING THE MAIN STAGES OF THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF SOVIET RUSSIA FROM AN AGRARIAN TO A CAPITALIZED SOCIETY

Keywords: agricultural society, capitalized society, Russia, XX century.

The purpose of the article is to consider possible approaches to the study of the largest transformation of Soviet society – its transition from the agrarian to the capitalized stage. The authors review such an important issue as the application of ideas about primitive accu-

mulation to the history of Russia. In the course of the historiographic review, they note that the works of E. A. Preobrazhensky, N. I. Pavlenko, B. B. Kafengauz and other researchers considered the issue, but its application to the history of Soviet society was generally rejected. Historian B. G. Mogilnitsky suggested using the ideas of primitive accumulation in the study of the history of Soviet society, which was supported by the authors of the article. The authors draw on sources that characterize the key moments of socio-economic development of Russia during the Soviet period: calculations of inter-industry balance sheets, statistics of national income, calculation of accumulation rates by economists in the Soviet economy, indicators of financial and credit development, etc. Some of the sources are extracted from statistical collections, and some are from materials stored in the Russian State Archive of Economics and the Russian State Archive of Modern History. The article considers the implementation of the main elements of the primitive accumulation in the late 1920s and 1950s: the withdrawal of means of production from small producers (peasants, artisans, private traders, etc.), the creation of a labor market due to the outflow of population from the village to the city. The sources of accumulation were formed at the expense of state policy that implements a high rate of capital accumulation (up to a third of the national income in some years). The axis of strict state policy was the transfer of funds from agriculture to the industrial sector and high taxation of the population. The article considers the transformation of the most important economic institutions of the Soviet society – financial, price, and monetary. The authors propose to consider a radical change in the ratio of factors of production as an indicator of leaving the agricultural society. When capital begins to play a major role in the production of products, we can assume that the transition to a capitalized society has been overcome. The period of this transition, according to the authors, refers to the late 1950s or early 1960s, In 1960-1980s ended the process of formation capitalised economy was reduced the tax burden on the population, the prices are approaching the cost of production, acted as a modern financial and credit system, there is a proletarianization of the population. However, problems of incomplete capitalization also existed, which brought another round of primitive accumulation that occurred in the 1990s.

REFERENCES

- Mogilnitsky, B.G. (1989) Al'ternativnost' v istorii sovetskogo obshchestva [Optionality in the history of the Soviet society]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 3–16.
- Preobrazhensky, E.A. (1924) Osnovnoy zakon sotsialisticheskogo nakopleniya [The basic law of socialist accumulation]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*. 8. pp. 47–116.
- Pavlenko, N.I. (1955a) O nekotorykh storonakh pervonachal'nogo nakopleniya v Rossii (materialy k obsuzhdeniyu) [On some aspects of primary accumulation in Russia (materials for discussion)]. In: *Materialy k zasedaniyu uchenogo soveta Instituta istorii AN SSSR ot 4 iyulya 1955 g.* [Materials for the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of July 4, 1955]. Moscow: Institute of History of the USSR Academy of Sciences. pp. 1–2.
- Pavlenko, N.I. (1955b) O nekotorykh storonakh pervonachal'nogo nakopleniya v Rossii: (po materialam XVII–XVIII vv.) [On some aspects of primary accumulation in Russia: (based on materials of the 17th – 18th centuries)]. *Materialy k zasedaniyu uchenogo soveta Instituta istorii AN SSSR ot 4 iyulya 1955 g.* [Materials for the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of July 4, 1955]. Moscow: Institute of History of the USSR Academy of Sciences. pp. 3–51.
- Kozlovsky, E.S. (1956) *Pervonachal'noe nakoplenie kapitala i ego osobennosti v Rossii* [Primary capital accumulation and its features in Russia]. Leningrad: Leningrad State University.
- Bregel, E.Ya. (1961) *Pervonachal'noe nakoplenie kapitala* [Primary Capital Accumulation]. Moscow: Institute of International Relations.
- Ryabov, N. (1951) *Sotsialisticheskoe nakoplenie i ego istochniki v pervoy i vtoroy pyatiletkakh* [Socialist accumulation and its sources in the first and second five-year plans]. Moscow: Gospolitizdat.
- Krasnikova, E.V. (2003) *Razvitie kapitalizma v Rossii vek spustya* [The development of capitalism in Russia a century later]. Moscow: Teis.
- Prozorovskaya, K.A. (2014) *Deviantnoe ekonomicheskoe povedenie v Rossii: istoricheskaya retrospektiva i faktory institutsionalizatsii v epokhu "pervonachal'nogo nakopleniya kapitala"* [Deviant Economic Behavior in Russia: Historical Retrospective and Institutionalization Factors in the Era of "Primary Capital Accumulation"]. St. Petersburg: Info-da.
- Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2019) A soviet proto-bourgeoisie: genesis of the upper class of Russian society. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2(9). pp. 437–453. (In Russian).
- The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 1562. List 80. File 63(a). pp. 50, 52, 54, 56, 63.
- Vinogradov, V.A. (ed.) (1977) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the USSR Socialist Economy]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
- Makarova, O.K. (1964) *Sovetskaya trgovlya* [Soviet Trade]. Moscow: TsSU SSSR.
- USSR. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR* [National Economy of the RSFSR]. Moscow: Gosstatizdat.
- USSR. (1977) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR za 60 let* [The national economy of the RSFSR for 60 years]. Moscow: Statistika.
- Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2019) Farmstead economy of the population as an indicator of dying off of agrarian society in Russia. *Voprosy istorii – Issues of History*. 12(1). pp. 84–96. (In Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi06
- Vainshtein, A.L. (1969) *Narodnyy dokhod Rossii i SSSR: istoriya, metodologiya ischisleniya, dinamika* [National income of Russia and the USSR: history, calculation methodology, dynamics]. Moscow: Nauka.
- The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 67. File 380. pp. 6.
- USSR. (1966) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1965 g.* [The National Economy of the RSFSR in 1965]. Moscow: Statistika.
- USSR. (1976) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1975 g.* [The National Economy of the RSFSR in 1975]. Moscow: Statistika.
- USSR. (1986) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1985 g.* [The National Economy of the RSFSR in 1985]. Moscow: Finansy i statistika.
- Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2002) Povinnosti rossiyskikh kolkhoznikov v 1930–1960-e gody [Obligations of Russian collective farmers in the 1930s – 1960s]. *Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 96–111.
- Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2019) *Agrarnyy stroy Rossii v 1930–1980-e gody* [The agrarian system of Russia in the 1930–1980s]. Moscow: Lenand.
- The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 1562. List 3. File 317. p. 48.
- Pravda*. (1989). 16th March.
- The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 488. p. 132.
- Anon. (1989) *Chistaya produktiya sel'skogo khozyaystva i ee raspredelenie i ispol'zovanie* [Pure agricultural products and their distribution and use]. Moscow: [s.n.].
- Kashin, Yu.I. (2011) *Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo Banka Rossiyskoy Federatsii* [Through the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation]. Issue 11. Moscow: The Central Bank of the Russian Federation.
- Stalin, I.V. (1951) *Sochineniya* [Works]. Vol. 13. Moscow: Gospolitizdat. pp. 282–379.
- Ministry of Agriculture of the USSR. (1970) *Proporsii vosproizvodstva natsional'nogo dokhoda v sel'skom khozyaystve* [Proportions of reproduction of national income in agriculture]. Moscow: Ministry of Agriculture of the USSR.
- The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 60. File 225. p. 92.

32. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2016) Revisiting the type of economic system in the USSR. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 5. pp. 238–250. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.13
33. USSR. (1962) Sovokupnyy dokhod semey kolkhoznikov i ego raspredelenie [The total income of the families of collective farmers and its distribution]. *Prilozhenie k byulletenyu TsSU RSFSR*. 1(189).
34. USSR. (1985) *Byudzhety rabochikh, sluzhashchikh i kolkhoznikov za 1970, 1975, 1980–1984 gg.* [The budgets of workers, employees and collective farmers for 1970, 1975, 1980–1984]. Moscow: [s.n.].
35. Gulin, K.A. (2019) Revisiting the issue of the “initial accumulation of capital” in post-Soviet Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 6(12). pp. 276–291. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.16